

Журнал "Вокруг Света"

№12, декабрь 1963

УДК 55
ББК 26.3
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг Света": №12, декабрь 1963 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 71 с.

ISBN 978-5-458-43285-6

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В. Ерофеев, А. Беляев и многие другие. За время издания было выпущено 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года). В номере:- Пещера Абраскила- За летучими лисицами- Фреска Бонампака- Паган- Как измерили кольца Сатурна

ISBN 978-5-458-43285-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Фотоочерк А. МИХАЙЛОВА

Это фотоочерк о двух заповедниках нашей страны — Воронежском и Хоперском. В первом разводят бобров, во втором — зубров. Они были почти полностью уничтожены на обширных территориях. Сейчас идет большая работа по восстановлению этих ценных представителей фауны страны.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ПРИРОДЕ

До середины прошлого века бобры водились во многих водоемах России. Но пошла мода на бобровые шапки, на бобровые воротники — и началась бесконтрольная охота. Зверьки были почти истреблены.

На притоках реки Воронеж каким-то чудом уцелели две-три бобровые семьи. В 1927 году здесь был создан Воронежский государственный заповедник.

Сейчас в заповеднике более четырехсот бобров. Они хорошо обжились в небольших речушках Усманка и Ивница и ведут деятельный образ жизни: постоянно строят и перестраивают свои жилища. Бобры — зверьки скрытные. Входы в свои жилища они прячут под воду и для этого перегораживают обмелевшие притоки плотинами. Строительный материал — деревья и ветки, а «цементом» служит речной ил. Но увидеть бобров за работой нелегко: они очень пугливы и трудятся только в «ночную смену».

Для изучения их биологии, причин и характера их болезней создана бобровая ферма. Это первый опыт по содержанию вольнолюбивых зверьков в вольерах с проточной водой. Осуществили его научные сотрудники заповедника И. Жарко, Л. Лавров и В. Ромашов. Их питомцы не только нормально развиваются, но из года в год дают прирост потомства. Население вольеров кормится по особому рациону. В меню входят свекла, овес, отруби, дрожжи и, конечно, излюбленные блюда из осины, ивы и свежей травы. Подопытных бобров регулярно взвешивают. Малышам, которые плохо растут, прописывают усиленное питание.

Осень для некоторых бобров заповедника — пора путешествий. Выловленных зверьков развозят по стране и выпускают в мелкие речушки, где некогда обитали их сородичи.

Бобровое племя растет и умножается. Сейчас из заповедников расселено уже более 50 тысяч бобров.

* * *

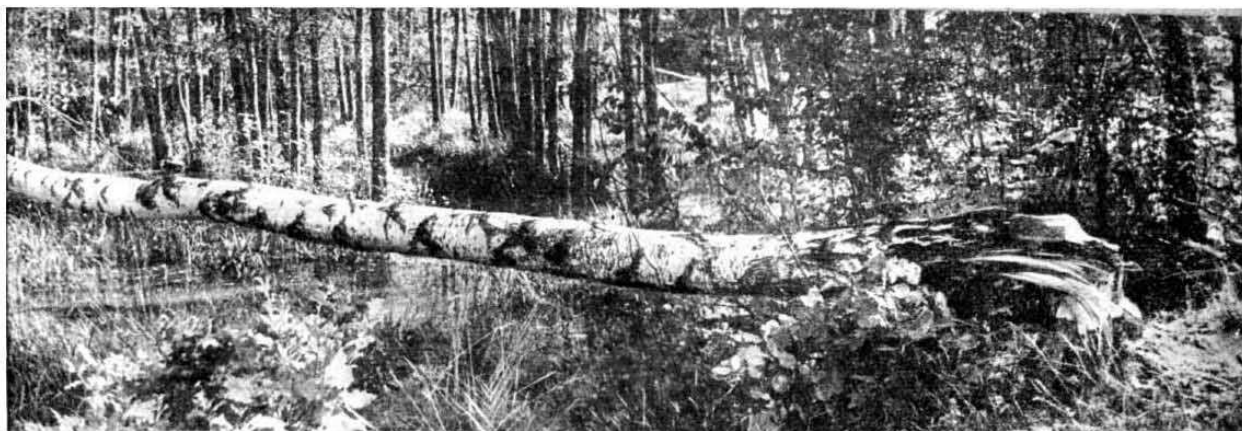
...Человек подносит ко рту ладони, издает зычный звук: «А...ыы...у!» На опушку дубравы выходят зубры. Неторопливо, с достоинством направляются к кормушкам.

Этих своеобразно красивых, гордых животных извели еще раньше, чем бобров. Молва гласит, что последний зубр в бассейне Хопра был убит в 1709 году!

Научные сотрудники Центрального зубрового питомника решили разводить диких лесных быков в исконных местах их обитания. Для этого эксперимента в 1955 году в Хоперский заповедник было привезено

одиннадцать зубров. Зимой дикие быки могут свободно бродить где хотят. Летом, чтобы они не топтали луга, их держат в огороженном парке. Подкармливают свеклой, травой и свежим сеном. А лакомство для них — кукуруза. С помощью кукурузной приманки зубровод К. Бессарабов приучил животных выходить из чащи на зов «А...ыы...у!».

Сейчас в заповеднике уже более двадцати зубров.

Я расскажу о событии, которое произошло осенью 1941 года. Написал я о нем двадцать два года назад. В рассказе о подвиге трех летчиков бомбардировочной авиации все достоверно.

Опубликовать очерк в то время я не смог: Родина призвала на фронт. Рукопись затерялась, и лишь теперь мне удалось ее найти.

подпрыгнула вверх и опять стремительно полетела вниз, вслед за бомбами.

Свет прожекторов поблек в ярком зареве. Бомбардировщик вошел в сферу огня. Пора выходить из пике. Иначе можно подорваться на взрывах собственных бомб.

Оглушительно взревев моторами, самолет начал выход из пике. Машину сильно бросило, и Яр понял: зацепила взрывная волна.

Зенитки умолкли. Но ослепительно яркие клинки шарили по небу, надрезали облака, перекрещивались и снова расплывались. И вдруг, слов

ПОБЕДИВШИЕ

Ночь, безмолвная, настороженная, накрыла море, упрятала во мгле горизонт. Бомбардировщик шел на большой высоте. В кабине командира, лейтенанта Яра, то и дело вспыхивала лампочка переговорного аппарата — штурман уточнял курс.

Бомбардировщик шел по прямой. Лейтенант вел его вслепую, ориентируясь только по приборам, целиком доверившись им. В небе — ни звездочки. Где-то в нескольких километрах внизу лежало невидимое море, за горизонтом должны были быть берега, такие же темные, притаившиеся, настороженные...

Минут через двадцать штурман доложил, что впереди по курсу объект. Ни огонька, ни звука.

Значит, бомбардировщик еще не обнаружен. Прошло несколько томительных секунд. Самолет был над целью.

Лейтенант выключил моторы. Бомбардировщик ринулся вниз. Самолет качнулся, освободившись от бомб. Вспыхнуло багрово-красное пламя и огненной лавой растеклось в сплошной пожар. Запылали бензохранилища, нефтеперегонный завод. Спыхватившись, забухали зенитки, вспыхнули лучи прожекторов. Их серебряные лезвия тревожно заметались по небу, отыскивая самолет.

Бомбардировщик выходил на второй заход. Клинки прожекторов уже успели скреститься на нем: он был хорошо виден с земли. Взахлеб лаяли вражеские зенитки. Змеинные клубки трассирующих, зажигательных и бронбойных пуль пытались ужаливать самолет.

Прожекторы ослепляли пилота. Освещенная голубым, мертвым светом кабина казалась какой-то чужой, непривычной. Стекла приборов сверкали огромными бриллиантами. От боли слезились глаза. Свет в кабине был до того ярким, что пожар внизу казался мутно-красным, неясным пятном.

Опыт подсказывал: надо вырвать самолет из смертельных объятий прожекторов, нырнуть в спасительную мглу. Решение командира было дерзким — снова ринуться вниз и сбросить еще одну порцию бомб. Самолет войдет в ответный пожар, и тогда зенитки замолчат.

Лейтенант резко толкнул от себя ручку, отдал рули глубины, и бомбардировщик в стремительном пике ринулся на освещенную пожаром цель. Свинцовая тяжесть придавила летчика к спинке сиденья, зашумело в ушах, по вискам будто забили молоты, но крепко сощуренные и все еще слезящиеся глаза не отрывались от летящего навстречу охваченного огнем фашистского объекта. Лучи прожекторов падали за самолетом, не выпуская его из яркого кулака.

— Даю! — уловил откуда-то издалека пилот глухой и неясный возглас штурмана.

— Давай! — ответил он и не услышал своего голоса. А может быть, и не ответил, а только подумал так. Штурман нажал кнопки бомбосбрасывателя.

Бомбы ринулись вниз, они неслись чуть впереди пикирующего самолета, потом обогнали его и скрылись из виду. Облегченная машина качнулась,

но хлопнушки, вокруг самолета повисли гроздыя разрывов.

«Засекли, проклятые!» — подумал лейтенант и начал уводить машину от снарядов, бросал ее из стороны в сторону, стараясь скорее добраться до спасительной кромки облаков.

Это не был обычный зенитный обстрел. Это был ливень из огня и металла. Немцы, боясь снова упустить самолет, били торопливо, лихорадочно. Снаряд разорвался у самого хвоста. По фюзеляжу и плоскостям горохом рассыпались осколки. «Рули?» — обожгла летчика догадка. Штурману ручкой — самолет заболтался как пьяный. Отлегло: «Действуют!»

Немедленно в облака, и как можно скорее! До кромки уже недалеко! — «Мессеры!» — доложил штурман. Облака нахлынули сразу, окутали машину густым туманом.

Снаряды провожали самолет, но теперь немцы били вслепую. Потом зенитки смолкли. Значит, «мессершмитты» тоже вошли в облака...

Яр не видел штурмана, сидевшего в передней кабине. Вся остекленная, она не была защищена от пуль и осколков. Штурман не подавал признаков жизни. С тревогой командир спросил:

— Ну как, цел?

— Какое цел! Одни головешки дымят...

— От тебя?! — весело усмехнулся командир.

— Почему от меня? — обиделся Левитсон. — От вражеского объекта.

Яр улыбнулся.

— Кузенцов, ну как, не задело? — спросил он стрелка-радиста.

— В точку вдарили — одни обломки остались.

Радист тоже невредим. Если не считать нескольких пробоев в самолете, задание выполнено блестяще.

ЧАСОВЫЕ ЖИЗНИ

Главное уже сделано. Истребители
вряд ли...

— «Мессерье» слева, — доложил
радист.

— Сколько?

— Два.

Они шли левее, встречным курсом,
на разных высотах. Яр ожидал лоб-
овой атаки, но «мессерье» начали
выписывать дугу. Пилот разгадал не-
хитрый маневр врага: сделав полу-
круг, ударить сзади. «На простачков
рассчитывают», — подумал пилот и
сильно накренил машину. Истреби-

Рисунок Г. ХРАПАКА

СМЕРТЬ

тели пролетели по прямой. Лейтенант
осмотрелся: вражеские машины скры-
лись из глаз. Вероятно, они потеряли
след бомбардировщика и теперь сно-
ва рыщут в облаках.

Не успел передохнуть, как они по-
явились вновь. Стало ясно: уклонить-
ся от боя невозможно, истребители
вынырнули из облаков так близко,
что никаким маневром их уже не
собьешь со следа. У врага более вы-
годное положение, он может обстре-
лять хвостовое оперение. Но раз боя
не избежать, вероятно, лучше напа-
дать, чем обороняться.

Пилот развернул машину, истре-
бители оказались сбоку, и радист,

поймав ближнего в прицел, нажал
сразу все гашетки. Четыре струи ог-
ненного свинца ударили в лоб истре-
бителю. Он вспыхнул, кувыркнулся,
полетел вниз и скрылся в волнах мо-
ря. Это была быстрая и легкая побе-
да. Но второй истребитель, свечкой
взлетел вверх, развернулся и, открыв
бешеный огонь, помчался в атаку.
Пули хлестнули по приборам. Брыз-
нули осколки стекол. Очередь врага
была точной: повреждены приборы,
выведен из строя правый элерон, раз-
бита правая плоскость, и конец ее
висит только на нижней обшивке.
Скрипнув зубами от злости, Яр шу-
ранул рули. Самолет еще слушался

их, но так и норовил повернуть влево.
Трудно было удержать машину на
курсе.

Летчик второго истребителя был
опытный. Одну за другой он выде-
лывал фигуры высшего пилотажа,
умело выходил из-под обстрела, удач-
но выбирал позицию, от обороны
молниеносно переходил в нападение.
После каждой его атаки бомбарди-
ровщик все больше и больше терял
маневренность. Конец его плоскости
отдалился, кабины были изрешечены,
радиостанция разбита... От новой
очереди врага что-то треснуло в мо-
торе, он зафыркал, два-три перебоя,
и мотор заглох.

— Левый мотор заклинило! — доложил по телефону штурман.

— Знаю, — ответил Яр. — На одном полетим...

А «мессер» уже заходит в хвост израненного бомбардировщика. Это самое опасное положение: назад из пулемета стрелять было нельзя — мешали свои же рули. Исклеченный бомбардировщик потерял маневренность и быстро снижался.

Истребитель подошел почти к самым рулям. Вражеский летчик был уверен, что бомбардировщик не уйдет и не сможет защищаться. Фашист не открывал огня, наслаждаясь своей победой, желая продлить агонию гибнущего самолета. Он шел у самых его рулей, на расстоянии трех-четырех метров. Стрелок-радист вблизи отлично видел лицо немецкого летчика с закрученными фельдфебельскими усами. Фашист скалил зубы от злорадства. Он издевался. Встретившись глазами с Кузенцовым, поднял над штурвалом руку и большим пальцем показал вниз, на море, дескать, «Рус, сейчас будешь тонуть».

— Командир, — кричал радист, — этот гад пальцем вниз показывает, а сам смеется!.. — И услышал твердый голос лейтенанта:

— Сбей этого аса!

— Через рули? — спросил Кузенцов. — Ведь это самоубийство!

— Знаю, — ответил Яр. — Я приказываю, сбей этого аса!

Приказ командира — закон. Стрелок понимал, что добывает свой бомбардировщик. Но тогда и фашисту дорога на дно. Он отвернул пулемет назад, поймал истребитель в круг прицела.

Фашисту надоела игра, а может быть, он уже заметил пулеметные столбы. Он открыл огонь. Пули вонзались в погибающий самолет, прошивая его от хвоста до моторов...

— Бю! — крикнул Кузенцов командиру и нажал на гашетки.

Собственные пули, пробивая хвост, стабилизатор и рули, вонзались в нос «мессершмитта». Истребитель качнулся, вспыхнул факелом и камнем рухнул в море. Несколько секунд фашист держался на воде. Потом — взрыв, и самолет скрылся в волнах.

— Приготовиться к прыжку, подготовить лодку! — командовал Яр.

До воды оставалось пятнадцать метров, десять... пять...

Выключен мотор. Через секунду самолет упал в море. Сквозь щели и пробоины в бомбардировщик хлынула вода. Летчики выпрыгнули и поплыли. Они спешили уйти как можно дальше, пока самолет не погрузился, иначе их втянет в воронку...

В намокших меховых комбинезонах держался на воде тяжело. Изнемогая, Яр плыл на голоса товарищей.

— Веса унесло, — доложил штурман.

Лейтенант приказал надуть резиновую шлюпку. Громадная волна накрыла летчиков с головой и унесла в море насос и надувной шланг. Крепко впившись в шлюпку, они стащили с себя мокрые комбинезоны

и принялись надувать лодку. Огненные крути мельтешили перед глазами. После выдоха отяжелевшее тело погружалось в воду. Работали попеременно. Надували шлюпку долго, упорно, до изнеможения. Казалось, что эта работа никогда не кончится, что вся земля покрыта водой и нигде нет ни берега, ни людей, только они, три обессиленных человека, затеряны в пустом холодном море.

Наконец шлюпка закачалась на волнах. Летчики влезли в нее, но отдыхать было некогда.

На небе выпали крупные звезды. Стало холоднее. Мокрая одежда липла к телу.

— Интересно знать, где мы находимся? — спросил Кузенцов.

— По-моему, в море, — ответил лейтенант.

— Спасибо за справку, — поблагодарил радист, пытаясь улыбнуться. Штурман сидел на носу шлюпки и гляделся в звезды.

— Думает ли о чем-нибудь штурман? — спросил командир.

— Думаю, — ответил Левитсон. В разговор вмешался радист:

— Куда штурман думает плыть?

Левитсон ответил:

— Плыть надо домой.

Потом он поговорил о неудобствах морских путешествий без путевода и компаса. Помолчали... Наконец штурман определил по звездам направление и командовал:

— Веса на воду!

Три летчика «легли на обратный курс». Гребли руками, погружая их по локоть в соленые волны.

...Светало. Одна за другой в небе гасли звезды. Восток разгорался яркими красками. Багровое солнце выглянуло из-за горизонта, бросив на воду горсть ослепительных бликов. На минуту летчики перестали грести, приветствуя восход. Лица гребцов были серы, глаза глубоко запаши...

Мучительно хотелось пить, есть и особенно спать. Они молча гребли руками, разведенными морской солью до язв, гребли, превозмогая боль и усталость.

Миновала еще одна ночь, и снова взошло солнце. Теплое, ласковое. Но от его тепла только усиливалась жажда, больше клонило ко сну, слезились глаза от блеска волн.

...В полдень на небе показалась какая-то точка. Она быстро росла, превращаясь в самолет. Свой или чужой? На всякий случай Яр приказал экипажу сползти за борт и погрузиться по горло в воду. Самолет шел стороной, и ветерок донес до летчиков прерывистый звук мотора. Самолет быстро приближался. Сделав разворот, он на бреющем направился к шлюпке. Летчики погрузились с головой в воду, и «конкерс», набирая высоту, начал удаляться.

Фашист больше не возвращался. Помогая друг другу, летчики снова вскарабкались в шлюпку, упали в изнеможении на дно и долго лежали в полуживотности. Руки их, обсохнув, покрылись белым налетом соли, крошечными, все тело горело, и больше не хотелось ни грести, ни плыть.

Мучительно хотелось пить. Собрав остаток воли, превозмогая боль, они поднялись и вновь погрузили изнеженные солью руки в морские волны.

Длинный, сверкающий солнцем день сменила третья ночь... Наступил четвертый день, не принесший никаких надежд. Они всё гребли и гребли. И снова наступила ночь.

Утром вдоль берега шел самолет-разведчик. Морской летчик вел машину на высоте трехсот метров, прощупывая взглядом прибойную кромку воды, пустынные пляжи, извилистые линии траншей и окопов, замаскированные танки, бронемашинны, орудия, зенитки. Моряки со сторожевого катера помахали ему бескозырками, и он в ответ покачал им крыльями с красными звездами.

Недалеко от берега на волнах что-то прыгало. Летчик хотел было снизиться и пройти над странным предметом, похожим то ли на перевернутую шлюпку, то ли на брошенный понтон, но не захотел терять время. Вероятно, этот предмет засекли с берега. Пролетая над базой торпедных катеров, летчик заметил движение: один катер вроде собирался выйти в море. Не такой уж народ моряки, чтобы позволить болтаться у самого берега какому-то неизвестному предмету. Но пока они соберутся... Подозрение, любопытство заставили повернуть назад.

В бинокль летчик рассмотрел одинокую шлюпку, безжизненно болтавшуюся на волнах. Разведчик на всякий случай опустился над водой до десяти метров и увидел на дне шлюпки троих распростертых людей. Они не двигались и, конечно, были уже мертвыми.

Летчик круто развернулся и пошел на посадку. На малых оборотах подрубил к резиновой посудине. Люди лежали ничком, одежда изодрана в клочья. Нетвердым голосом летчик громко спросил:

— Живы?

В шлюпке никто не пошевелился. Летчик прыгнул в нее, приподнял голову одного из погибших, рассмотревший в бескровное лицо, узнал лейтенанта Яра. Вдруг веки лейтенанта вздрогнули. Пилот торопливо повернул вверх лицом Кузенцова и Левитсона. Они тоже были без сознания, но оба живы!

Быстро достав из самолета ром, летчик влил каждому в рот по несколько капель. На бледных лицах зажегся еле заметный румянец, у всех троих появилось слабое дыхание. Яр даже попробовал встать, но не смог и только улыбнулся.

С гидросамолета полетела радиogramма на аэродром, и вскоре примчался катер. Моряки бережно перенесли на борт спасенных. А гидросамолет взревел мотором, поднимая каскады брызг, разбежался по воде и, набирая высоту, пошел над морем, на выполнение своего задания.

Монтажники работают на пятидесяти-метровой высоте.

ВОЛЖСКАЯ

Фотоочерк В. СМЕТАНИНА

КОМСОМОЛЬСКАЯ

Врожденном на Волге новом городе Волжском строится большой химический комбинат. Это комсомольская ударная стройка.

Автомобильная промышленность страны будет получать ежегодно миллионы прочных каучуковых покрышек. После пуска комбината из отходов производства будет вырабатываться метионин. Это стимулятор роста животных. Таким образом, комбинат послужит еще и сельскому хозяйству.

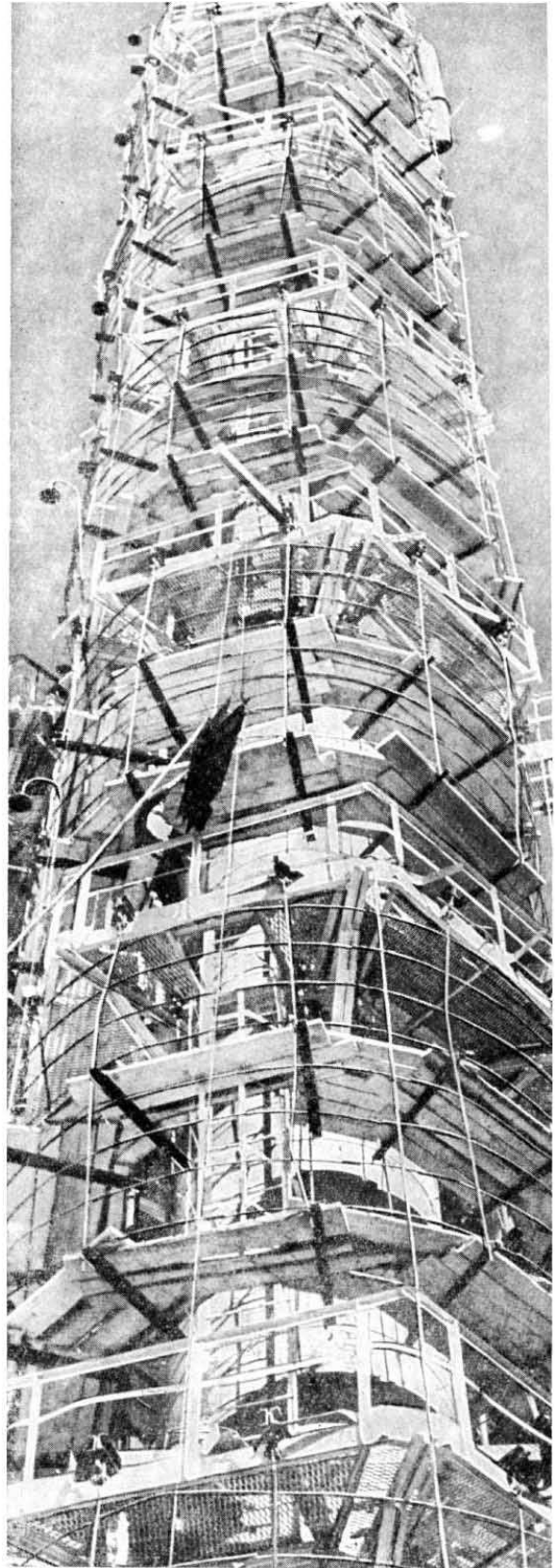
На снимках:

Изолировщица Неля Павлова.

Слесарь-монтажник шинного завода Василий Добровольский и газорезчик Виктор Глазков.

Инженер Волжского монтажного управления Н. Савицкий проверяет точность установки оборудования нового цеха. «Комсомольский прожектор» направляет свой луч на всех, кто тормозит ударную стройку. Начальники комсомольских штабов Юрий Павлов, Борис Огнев и Николай Аксенов готовят очередной номер боевой комсомольской газеты.

Растут, тянутся к небу колонны завода синтетического каучука.

„Мам новые Кожибы“

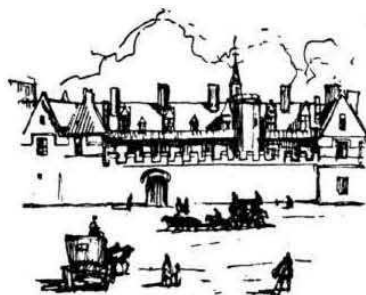
ОТКРЫТИЕ В БИБЛИОТЕЧНЫХ КАТАЛОГАХ

«Родился я в Санкт-Петербурге, 20-го января 1745 года...»

«Отец повез меня с собою в Лондон...»

«...из которого города переслал меня в Париж, где я вступил в университет...»

Сднажды, собирая материал для очерка о развитии теории архитектуры, я наткнулся на сообщение, что знаменитый зодчий Баженов делал переводы классических архитектурных трактатов и примечания к ним вместе с каким-то Каржавиным. Меня заинтересовало это имя. Что за человек работал вместе с великим зодчим? Я стал разыскивать более подробные сведения о Каржавине. Совершив путешествие по малохоженным тропам каталогов и фондов XVIII века Музея книги библиотеки имени В. И. Ленина, я убедился, что Федор Васильевич Каржавин был замечательным ученым, человеком с очень любопытной судьбой. И мне захотелось рассказать о нем.

Впрочем, он сам много рассказал о своих взглядах и путешествиях в пятидесяти опубликованных самостоятельных книгах и переводах (в библиотеке имени Ленина имеется около двадцати из них) и в ряде автобиографических заметок. Но сегодня мало кому известны его труды...

ПЕРВЫЙ ИЗ РОССИЯН В ГАВАНЕ...

Просматривая страницы «опубликованной и дополненной бывшим королевским переводчиком в Мартинике Теодором Каржавиным» книги «Заметки о русском языке», изданной на французском языке, я прочел в одном из упражнений для перевода с русского языка на французский что-то вроде краткого конспекта увлекательного приключенческого романа:

«Родился в Петербурге в России, учился в Париже, бывал в Петербурге Виргинском, видел Филадельфию и Бостон, служил в городе Святого Петра Мартиниканском в должности переводчика королевского; по том зделан военно-пленником Англичанами, сидел в плену в городе Святого Иоанна на острове Антиге...»

От туда ездил с Гишпанцами по морю в Новый Йорк, в Кап Французской и в Гавану на острове Кубе...

На последок пробравшись до Виргинии, докторствовал там, купечествовал и был переводчиком языка Англо-Американского при Канцелярии Консульства Французского, от куда возвращен в свое отечество через Францию, поехал, еще странствовал и умер в...»

Затем значительно позднее, когда я уже многое мог расшифровать, документировать и датировать из этой фантастической автобиографии, набрал я в журнале «Русская старина» за 1875 год еще на одну автобиографию Федора Васильевича, представленную им в 1788 году чиновникам царского правительства.

«Родился я в Санктпетербурге, 20-го января 1745 г., от купца I гильдии Василия Каржавина, который начал учить меня сам на 6-м году российской и латинской грамоте, также географии и вродил во мне охоту к наукам; вследствие чего в 1752 г. он повез меня с собою через Пруссию в Данциг, а оттуда в Лондон, из которого города переслал меня в Париж, где вступил в университет в 1755 г., определен студентом здешней иностранной коллегии в 1760 г. и продолжал учение свое, служа при Российских посольствах до 1765 г., в которое время возвращен в Россию... Но как желание отца моего... было такое, чтобы сделать меня купцом, а чин офицерской не позволял уже мне быть таковым, того ради старался я сделать себя полезным, по знанию моему... и жил в Троицкой Лаврской семинарии учителем два года (с 1767 по 1769)... На конце упомянутого 1769 года, по требованию г-на обер-архитектора... Василия Ивановича Баженова, принят я в ведомство Кремлевской экспедиции архитекторским помощником...»

В 1773 году, по слабости здоровья моего, уволен я... и для повышения чина отправился вторично на своем иждивении в Европу... 15-го августа приехал я в Амстердам, где исправил комиссию данную мне от господина Демидова, в разсуждении... большого собрания натуральных и сибирских редкостей, поверенного мне для кунсткамеры принца Оранжского... В октябре (1773 г.) поехал из Амстердама сухим путем через Голландию и Фландрию; приехал в 10 дней в Париж; тут, проживши некоторое время, препровождаю оное в слушании различных курсов, принадлежащих до медицинской и физической науки, нашел я себя лишенным вовсе надежды возвратиться в Россию...

С французским паспортом поехал в сентябре 1776 на французской остров Мартинику, куда прибыл благополучно в 36 дней и... вступил в одно училище помощником.

...Скоро я стал известен всему дворянству... и, желая удвоить свой капитал... новоанглийскую торговлю, вступил я в товарищество с одним креолом, отправляющим